

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ

Оригинальная статья / Original paper

doi:10.17853/1994-5639-2024-10-131-165

Академическая честность в структуре устойчивой антикоррупционной позиции студента: опыт социологического анализа

Н.Г. Чевтаева¹, О.В. Боброва²

Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Екатеринбург, Российская Федерация.

E-mail: ¹chevtaeva-ng@ranepa.ru; ²bobrova-ov@ranepa.ru

Е. Колл

Университет Зайеда, Дубай, Объединенные Арабские Эмираты.

E-mail: Ekaterina.Koll@zu.ac.ae

✉ chevtaeva-ng@ranepa.ru

Аннотация. *Введение.* Процесс формирования устойчивой антикоррупционной позиции студенческой молодежи сталкивается с ситуацией рассогласованности провозглашаемого осуждения коррупции с реальными практиками повседневного поведения. *Цель* – провести социологический анализ сформированности устойчивой антикоррупционной позиции студента по трем ключевым параметрам: когнитивному, ценностному, поведенческому. *Методология, методы и методики.* Социологический опрос проведен среди студентов вузов Екатеринбурга ($n = 572$), обучающихся по направлению «Экономика и управление», посредством онлайн-анкетирования на платформе Yandex. Полученные результаты были обработаны с использованием программы для статистической обработки данных SPSS. *Результаты.* Проведен сравнительный анализ полученных результатов с результатами российских и международных эмпирических исследований. У студентов выявлены достаточно высокий уровень сформированности ценностей неприятия коррупции в обществе и одновременно толерантное отношение к нарушению норм академической честности в их образовательной деятельности. Сделан вывод, что нормы академической честности оказываются более устойчивыми в групповом взаимодействии, нежели в индивидуальной обучающей деятельности студента. Обозначена проблема анализа новых возможностей и рисков для академической честности в связи с использованием искусственного интеллекта (ИИ) в учебной деятельности. *Научная новизна.* Проведена диагностика «устойчивой антикоррупционной позиции» студентов вузов, связанной с рациональными, ценностными и поведенческими проявлениями; утверждается, что академическая честность рассматривается как поведенческий индикатор устойчивой антикоррупционной позиции, которую студент демонстрирует в процессе образовательной де-

тельности. *Практическая значимость.* Принятие стандартов академической честности поможет студенту вырабатывать социально приемлемую модель поведения в ситуации, когда возникает искушение нарушить антикоррупционные правила ради собственных интересов. Формирование академической честности студента следует рассматривать как элемент системной антикоррупционной работы в вузе.

Ключевые слова: академическая этика студентов, академическая честность, устойчивая антикоррупционная позиция, нетерпимость к коррупции, плагиат, искусственный интеллект в образовании

Благодарности. Авторы признательны Департаменту по противодействию коррупции Свердловской области за поддержку при проведении исследования и рецензентам за качественное рецензирование и полезные замечания, которые помогли существенно улучшить представленную статью.

Для цитирования: Чевтаева Н.Г., Боброва О.В., Колл Е. Академическая честность в структуре антикоррупционной позиции студента: опыт социологического анализа. *Образование и наука.* 2024;26(10):131–165. doi:10.17853/1994-5639-2024-10-131-165

Academic integrity in the framework of a student's sustainable anti-corruption stance: insights from sociological analysis

N.G. Chevtaeva, O.V. Bobrova

Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Ekaterinburg, Russian Federation.

E-mail: chevtaeva-ng@ranepa.ru. bobrova-ov@ranepa.ru

E. Koll

Zayed University, Dubai, United Arab Emirates.

E-mail: Ekaterina.Koll@zu.ac.ae

✉ chevtaeva-ng@ranepa.ru

Abstract. *Introduction.* The process of fostering a sustainable anti-corruption stance among students faces a significant challenge: the disconnect between publicly stated condemnations of corruption and the behaviours exhibited in daily life. *Aim.* The present research aimed to conduct a sociological analysis of the development of a stable anti-corruption stance among students, focusing on three key parameters: cognitive, value-based, and behavioural. *Methodology and research methods.* A sociological survey was conducted among 572 university students in Ekaterinburg ($n = 572$) studying Economics and Management. The survey was administered online using the Yandex platform, and the results were analysed using the statistical software SPSS. *Results.* A comparative analysis was conducted to evaluate the results obtained in relation to findings from Russian and international empirical studies. The analysis revealed that students exhibit a relatively high level of values rejecting corruption in society; however, they simultaneously display a tolerant attitude towards violations of academic honesty within their educational activities. It was concluded that the norms of academic honesty are more stable during group interactions than in individual educational pursuits. Additionally, the study identifies the need to analyse new opportunities and risks to academic integrity associated with the use of artificial intelligence (AI) in

educational contexts. *Scientific novelty.* A diagnostic assessment of the “sustainable anti-corruption position” among university students was conducted, focusing on their rational, value-based, and behavioural manifestations. It is argued that academic integrity serves as a behavioural indicator of the sustained anti-corruption stance that students exhibit through their educational activities. *Practical significance.* The adoption of standards of academic integrity will assist students in developing a socially acceptable model of behaviour, particularly in situations where there may be a temptation to violate anti-corruption rules for personal gain. The cultivation of a student's academic integrity should be regarded as a crucial component of systemic anti-corruption efforts within the university.

Keywords: academic ethics of students, academic honesty, sustainable anti-corruption stance, intolerance for corruption, plagiarism, artificial intelligence in education

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the Department of Anti-Corruption of the Sverdlovsk Region for their support in conducting this study. The authors also thank the reviewers for their thorough peer review and valuable comments, which significantly enhanced the quality of the submitted article.

For citation: Chevtaeva N.G., Bobrova O.V., Kall E. Academic integrity in the framework of a student's sustainable anti-corruption stance: insights from sociological analysis. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2024;26(10):131-165. doi:10.17853/1994-5639-2024-10-131-165

La integridad académica en la estructura de la posición firme anticorrupción del estudiante: experiencia de análisis sociológico

N.G. Chevtaeva¹, O.V. Bobrova²

Instituto de Administración de Los Urales - Seccional de la Academia Rusa de Economía Nacional y Administración Pública bajo la presidencia de la Federación de Rusia, Ekaterimburgo, Federación de Rusia.

E-mail: ¹chevtaeva-ng@ranepa.ru; ²bobrova-ov@ranepa.ru

E. Koll

Universidad Zayed, Dubai, Emiratos Árabes Unidos.

E-mail: Ekaterina.Koll@zu.ac.ae

✉ chevtaeva-ng@ranepa.ru

Abstracto. *Introducción.* El proceso de consolidación de una posición firme anticorrupción entre los estudiantes jóvenes, se enfrenta a una situación incongruente en lo concerniente a la proclamada condena de la corrupción y las prácticas reales de comportamiento cotidiano. *Objetivo.* El objetivo es realizar un análisis sociológico del proceso formativo de una posición anticorrupción sólida del estudiante de acuerdo a tres parámetros clave: cognitivo, valorativo y conductual. *Metodología, métodos y procesos de investigación.* Se llevó a cabo una encuesta sociológica entre estudiantes universitarios de Ekaterimburgo ($n = 572$) que hacen su carrera en Economía y Gestión. Dicha encuesta se efectuó a través de una encuesta en línea en la plataforma Yandex. Los resultados obtenidos fueron procesados mediante el programa de procesamiento de datos estadísticos SPSS. *Resultados.* Se realizó un análisis comparativo de los resultados obtenidos con los de estudios empíricos rusos e internacionales. Los estudiantes mostraron un nivel formativo bastante alto en cuanto a valores de no aceptación de la corrupción al interior de la sociedad y al mismo tiempo, una actitud tolerante hacia las violaciones de las normas de integridad académica en

sus actividades educativas. Se concluye que las normas de integridad académica resultan más firmes en la interacción grupal que en la actividad de aprendizaje individual del estudiante. Se plantea el problema de analizar nuevas oportunidades y riesgos para la integridad académica en relación con el uso de la inteligencia artificial (IA) en las actividades educativas. *Novedad científica.* Se realizó un diagnóstico de la “posición firme anticorrupción” de los estudiantes universitarios, asociada a manifestaciones racionales, valorativas y comportamentales; se sostiene que la integridad académica es considerada como un indicador conductual de la posición anticorrupción firme que demuestra el estudiante en el proceso de las actividades educativas. *Significado práctico.* Adoptar estándares de integridad académica ayudará al estudiante a desarrollar un comportamiento socialmente aceptable en situaciones donde surja la tentación de violar las normas anticorrupción en aras de sus propios intereses. La formación de la integridad académica del estudiante debe considerarse como un elemento del trabajo sistémico anticorrupción en la universidad.

Palabras claves: ética académica de los estudiantes, integridad académica, firme posición anticorrupción, intolerancia a la corrupción, plagio, inteligencia artificial en la educación

Agradecimientos. Los autores agradecen al Departamento Anticorrupción de la Provincia de Sverdlovsk por su apoyo durante el estudio y a los revisores por su revisión de calidad y comentarios útiles, que ayudaron a mejorar significativamente el artículo presentado.

Para citas: Chevtaeva N.G., Bobrova O.V., Koll E. La integridad académica en la estructura de la posición firme anticorrupción del estudiante: experiencia de análisis sociológico. *Obrazovanie i nauka = Educación y Ciencia.* 2024;26(10):131-165. doi:10.17853/1994-5639-2024-10-131-165

Введение

Коррупция в сфере высшего образования вызывает беспокойство среди правительств, граждан и представителей системы образования во всем мире. В исследовательском сообществе наблюдается консенсус в понимании необходимости формирования устойчивой антикоррупционной позиции студенческой молодежи как потенциального участника современного рынка труда и актора социально-политических отношений. Сегодня акцент в антикоррупционной работе в вузе (в рамках изучения курсов по противодействию коррупции, при реализации планов воспитательной работы по антикоррупционному просвещению студентов) делается на изучение нормативно-правовой базы по противодействию коррупции, анализируется деятельность органов власти и проводится оценка эффективности мер по противодействию коррупции для российского социума. Однако важно не просто знать основы антикоррупционной политики, но и внедрять эти нормы в свою повседневную жизнедеятельность. Выстраивая системную антикоррупционную работу в вузе, необходимо избегать имитационных практик, когда декларируемое осуждение коррупции не согласуется с реальным поведением студенческого сообщества. В теоретическом и практическом плане важен комплексный подход к формированию устойчивой антикоррупционной позиции студента, который должен выходить на уровень анализа антикоррупционных практик в повседневной деятельности студента. Находит ли в среде студенческого сообщества подтверждение тезиса о том, что люди нарушают этические и антикоррупционные нормы тогда, когда они склонны к оправданию коррупции и

уверены, что и другие проявляют коррупционные намерения. Что же происходит в повседневной учебной жизни студенчества, в каких поступках, в каких социальных практиках проявляется устойчивое неприятие коррупции и как его измерить? Необходимо понять механизмы и маркеры формирования устойчивого неприятия коррупции в практиках образовательной деятельности студенческого сообщества. Ответы на эти вопросы чаще остаются вне поля исследовательского внимания.

Образовательная деятельность является той предметной областью, где студенты на практике могут продемонстрировать свою устойчивую антикоррупционную позицию. «Устойчивая антикоррупционная позиция» – система антикоррупционных взглядов, принципов, ценностных ориентаций, определяющих способность личности осуществлять выбор между криминальным, неэтичным и законопослушным, этически приемлемым поведением в пользу последнего. Соблюдение студентами этических норм и культуры коммуникации в повседневной образовательной деятельности трактуется как «академическая честность». Академическая честность рассматривается авторами как поведенческий индикатор устойчивой антикоррупционной позиции студента в процессе образовательной деятельности. Академическая нечестность включает в себя «множественные формы академических отклонений, включая, помимо прочего, мошенничество на экзаменах, плагиат и ненадлежащее сотрудничество» [1, с. 382].

Цель статьи – провести диагностику состояния «устойчивой антикоррупционной позиции» студента по трем ключевым параметрам: 1) знание и понимание студентами основ антикоррупционной политики; 2) их приверженность ценности неприятия коррупции в обществе vs толерантности к коррупции; 3) поведенческие практики в повседневной образовательной деятельности студента, требующие соблюдения норм академической честности.

Исследовательские вопросы:

1. Каков когнитивный, ценностный и поведенческий характер проявления устойчивой антикоррупционной позиции студента?
2. Каковы маркеры проявления академической честности/нечестности студентов в процессе образовательной деятельности?
3. Как высшая школа может способствовать поддержке академической честности студенчества, решая задачу формирования устойчивой антикоррупционной позиции подрастающего поколения?

Ограничения исследования. Во-первых, авторы не претендуют на всеобъемлющий системный охват поведенческих практик нарушения академической честности студентами, признавая, что в рамках статьи выделены лишь отдельные ее аспекты. Во-вторых, выводы эмпирической части базируются на результатах исследования студентов трех вузов Свердловской области, обучающихся по направлению «Экономика и управление». В-третьих, академическая честность требует анализа поведения и других участников образовательной деятельности (администрации, преподавательского сообщества) – что

также остается вне исследовательских вопросов поднимаемых авторами данной статьи.

Обзор литературы

Общепризнанным является тезис о том, что «защищенность преподавателей, студентов от угрозы коррупционных действий можно рассматривать в качестве конкурентного преимущества вуза» [2, с. 34]. М. А. Schwartz, анализируя риски коррупции в крупных университетах, связывает их с низким уровнем прозрачности и отсутствием культуры уважения, которая не поощряет задавать вопросы центрам принятия решений [3]. Коррупционные риски, замечает Н. Г. Чевтаева, могут быть связаны с поведенческими традициями патримонизма, стремлением заслужить благорасположение вышестоящего начальства [4]. Е. Е. Данилевская представляет классификацию коррупционных рисков в высшем образовании по сферам их возникновения и участвующим субъектам [5]. Коррупционные правонарушения со стороны руководства вуза могут проявляться во «взяточничестве при лицензировании и аккредитации вузов»; в практике «кумовства» при приеме на работу преподавателей» [6]. Т. М. Резер предлагает модель антикоррупционного управления университетским образованием, включающую социально-психологический, нормативно-правовой, морально-нравственный и экономико-управленческий аспекты [7]. Отсутствие честности может проявляться и со стороны других участников образовательного процесса: при сдаче экзаменов, в практике репетиторства. Распространенность подобной практики, как справедливо отмечают D. Chapman, S. Lindner, создает угрозы роста коррупции в сфере высшего образования [8].

Основополагающей для целей нашего исследования является положение Е. Denisova-Schmidt о том, что коррупция в сфере высшего образования имеет еще одно специфическое выражение – «отсутствие академической честности» [9, с. 5]: «Наряду с видами денежной и неденежной коррупции, которые можно встретить в любом месте общества, такими как коррупция в сфере закупок и фаворитизм при найме и/или продвижении по службе, коррупция в сфере высшего образования может затрагивать самих студентов, оказывая тем самым влияние на следующее поколение» [10, с. 9]. В ситуации изменений внимание к вопросам профессиональной этики академического сообщества становится важным ресурсом успешной трансформации университетов [11; 12].

Академическая честность рассматривается авторами статьи в контексте системной антикоррупционной работы. Данный подход позволяет, на наш взгляд, выделить три группы параметров формирования академической честности, связанных 1) со знанием и пониманием основ антикоррупционной политики – правовой грамотностью; 2) с ценностями – устойчивым неприятием коррупции; 3) с поведенческими практиками в повседневной деятельности студента в процессе обучения в вузе. Насколько подробно выделенные нами рациональные, ценностные и поведенческие аспекты академической честности студентов вузов представлены в современной литературе?

Ролевая функции студента, непосредственно связанная с включенностью в процесс обучения, создает потенциальные возможности формирования осведомленности и устойчивых знаний о мерах противодействия коррупции [13]. Образование повышает осведомленность о коррупции путем распространения информации, продвижения социальных норм и обучения навыкам и способностям противодействия коррупции [14]. С. Hauser доказывает, что регулярное антикоррупционное обучение считается одним из наиболее эффективных способов предотвращения коррупции. Однако важно, чтобы методы обучения были конкретными и позволяли решать сложные вопросы, касающиеся «серых зон» соблюдения требований этики [15]. Е. В. Маркинова также приходит к выводу о необходимости повышения правовой грамотности студентов для противодействия коррупции [16].

Вопросы формирования ценностей и норм неприятия коррупции среди студенчества изучаются международным и российским исследовательским сообществом. Социальные нормы и толерантность к коррупции различаются в разных странах. D. Carrasco, A. Pavón Mediano исследуют толерантность к коррупции среди студентов Латинской Америки: считаются ли различные акты коррупции приемлемыми или нет; что осуждается и что разрешено [17]. J. T. Kwarteng, M. W. K. Servoh, изучая антикоррупционные намерения среди студентов MBA (бухгалтерский учет) в Гане, приходят к выводу, что жизненно важные качества в противодействии коррупции имеют такие качества, как прямолинейность, честность, беспристрастность, осторожность и конфиденциальность [18]. J. L. A. Arce и соавторы выделяют детерминирующие факторы отношения студентов различных специальностей к коррупции в Гватемале [19]. Е. Alva и другие предметом своего исследования обозначают толерантность будущих профессионалов (студентов университетов Лимы) к коррупции [20]. Российские исследователи обращают внимание на культуру коммуникации преподавателя и студента для формирования устойчивых антикоррупционных практик [21]. J. L. Kisamore, T. H. Stone, I. M. Jawahar, на выборке из 217 студентов-предпринимателей исследуют влияние культуры добросовестности на намерения обманывать менее подготовленных и адаптированных людей [22]. С. L. Sirca, E. Billen обращают внимание исследовательского сообщества на фактор моральной отчужденности в проявлении академической нечестности [23].

Анализ поведенческих аспектов академической честности в большинстве работ сосредоточен на практике использования студентами плагиата и искусственного интеллекта. Цифровизация процессов преподавания и обучения сделали Интернет основным источником информации в университетах. D. O. Eke справедливо замечает, что легкость доступа к информации может сопровождаться мошенническими действиями, такими как плагиат. ChatGPT и развитие искусственного интеллекта провоцируют к использованию плагиата, создавая угрозу академической честности [24]. Проблема плагиата при обучении студентов волнует преподавательское сообщество разных стран: L. Adam и др. исследуют эти негативные практики в новозеландских университетах

[25]; P. Gama, F. Almeida и др. пишут об академическом мошенничестве студентов-инженеров в Португалии [26]; F. Amiri, S. Razmjoo – о восприятии плагиата иранскими студентами [27]. Остается актуальной в современных исследованиях и тема списывания на экзаменах как устойчивого маркера академической нечестности студента [28]. Н. Малошонов, Е. Шмелева, отмечая решающее значение субъективных норм на академическую нечестность в российских университетах, справедливо замечают, что в России недостаточно исследованы факторы, влияющие на академическую недобросовестность студентов [29].

Проведенный нами анализ демонстрирует, что вопросы академической честности студентов гораздо активнее и более многопланово обсуждается в зарубежных исследованиях. Вместе с тем эта проблема не менее остра и в российских вузах и требует более пристального изучения. Более того, нам представляется, что формирование академической честности имеет системный характер и должно быть включено в общую парадигму формирования устойчивых антикоррупционных практик российского социума. Важно не только знать антикоррупционные нормы, оценивать их эффективность, но и исследовать готовность современных российских студентов реализовать их в повседневных образовательных практиках. Данная статья призвана восполнить обозначенные пробелы.

Методология, материалы и методы

В качестве методологической базы авторы опираются на исследования N. C. Köbis, J. W. Van Prooijen, F. Righetti, в которых эмпирически установлено влияние убеждений, ценностей и социальных норм на коррупционное поведение [30]. Многие ситуации оцениваются с моральной точки зрения, влияя на решение людей участвовать (или не участвовать) в коррупционной деятельности [31]. Оправданность коррупции позитивно предсказывает коррупционные намерения и нарушение принципов честности в повседневной деятельности. Принятие человеком личных и социальных норм может спрогнозировать, будут ли люди использовать коррупционные практики в своей повседневной деятельности.

Эмпирическую основу статьи составили результаты социологического исследования, выполненного по заказу Департамента по противодействию коррупции Свердловской области. Авторами был проведен социологический опрос по оценке бытовой коррупции в Свердловской области в 2023 году. Исследование проводилось согласно «Методике проведения социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации № 662 от 25 мая 2019 г. При проведении опроса граждан авторами была выделена целевая группа студентов вузов Екатеринбурга, обучающихся по управленческим направлениям подготовки (укрупненной группе специальностей «Экономика и управления»). Для целевой группы студентов вузов, авто-

рами самостоятельно был включен дополнительный блок вопросов, связан- ный с академической честностью.

Процесс получения эмпирических данных проводился посредством он- лайн-анкетирования, по месту учебы респондентов на мобильных устройствах. Опрос был проведен в мае – сентябре 2023 года среди студентов Уральского института управления – филиала российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (33 %); Уральского федераль- ного университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (50 %), Уральского государственного университета путей сообщения (17 %). Выборка квотная – 572 человека. Распределение респондентов по полу составило: муж- чины 29,2 %, женщины 70,8 % от опрошенных. Студенты бакалавриата первого курса составили 42,7 % от опрошенных, второго курса – 10,0 %, третьего курса 35,4 %, четвертого курса – 9,6 %. Магистранты первого курса представлены 0,6 % и второго курса – 1,7 % от опрошенных.

Полученные результаты были обработаны с использованием программы для статистической обработки данных SPSS.

Результаты исследования

Анализ устойчивой антикоррупционной позиции студента проведен ав- торами по трем ключевым параметрам: 1) когнитивный: знание и понимание основ антикоррупционной политики; 2) ценностный: неприятие коррупции в обществе vs толерантность к коррупции; 3) поведенческий: следование нор- мам академической честности в повседневной образовательной деятельности студента.

1. *Когнитивный параметр устойчивой антикоррупционной позиции: зна- ние и понимание студентами основ антикоррупционной политики*

В процессе опроса по «бытовой коррупции» группе студентов был задан вопрос: «Вам известно или неизвестно о мерах, которые власти принимают для противодействия коррупции?» (таблица 1).

Таблица 1

Степень известности у студентов мер, которые власти принимают для противодействия коррупции (% ответивших)

Table 1

The level of awareness among students regarding the measures that authorities are implementing to combat corruption (% of respondents)

Вариант ответа <i>Answer option</i>	%
Известно, постоянно слежу за этим <i>I am aware of it and I have been following the situation</i>	8,2
Известно, но специально не слежу за этим <i>I am aware of it, but I do not follow it on purpose</i>	14,8
Что-то слышал (слышала), но ничего определенного припомнить не могу <i>I have heard something about it, but I cannot remember anything</i>	42,0

Ничего не знаю об этом <i>I know nothing about it</i>	27,0
Затрудняюсь ответить <i>It is difficult to say</i>	8,0
Всего Total	100

Студенты в большинстве своем (около 70 %) слабо информированы о деятельности органов власти по противодействию коррупции: 42 % заявили, что «что-то слышали, но ничего определенного припомнить не могут» а еще 27 % «вообще ничего не знают об этом». Высокий уровень осведомленности демонстрирует примерно каждый пятый опрошенный студент (23 %) (рисунок 1). Заметим, что такие оценки дают студенты социально-экономического направления, у которых дисциплины, связанные с противодействием коррупции входят в образовательную программу.

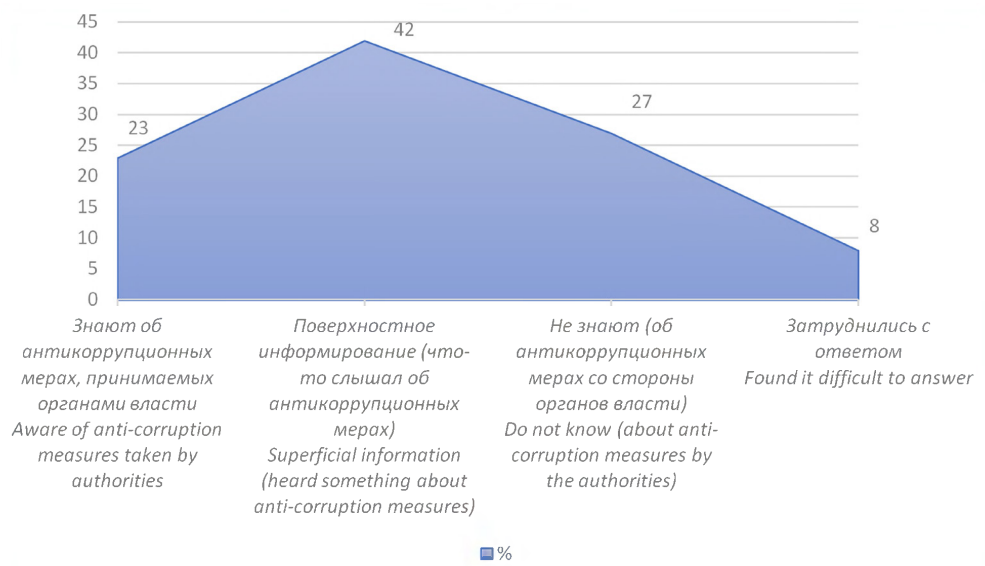

Рис. 1. Когнитивный параметр устойчивой антикоррупционной позиции студента: знание основ государственной антикоррупционной политики (% от числа ответивших)

Fig. 1. Cognitive parameter of a student’s sustainable anti-corruption stance: knowledge of the basics of state anti-corruption policy (% of respondents)

Таким образом, преобладает поверхностное информирование в понимании студентами основ антикоррупционной политики, уровень знаний в этой сфере, даже по их собственным оценкам, оказывается достаточно скромным.

2. Ценностный параметр устойчивой антикоррупционной позиции: неприятие коррупции в обществе vs толерантность к коррупции

Насколько устойчивыми сегодня оказываются антикоррупционные ценности у российского студенчества?

При проведении опроса по «бытовой коррупции» в 2023 году респондентам студентам была задана серия вопросов, позволяющих диагностировать степень их лояльности к коррупции в обществе. Представление об антикоррупционных ценностях студентов проявляется в ответах на вопрос: «Как Вы считаете, по какой причине возникают коррупционные ситуации?» (Рис. 2). В восприятии студентов стремление граждан обеспечить спокойствие оказывается более значимым фактором возникновения коррупционных ситуаций, чем вымогательство со стороны чиновников или опыт ближайшего окружения (граждане дают, поскольку так надежнее – 46 %, против «должностные лица заставляют давать взятки» – 28,3 % и «опыт родных и знакомых» – 25,7 %). По сути, студенты убеждены, что коррупционная инициатива находится на стороне граждан, а не представителей учреждений.

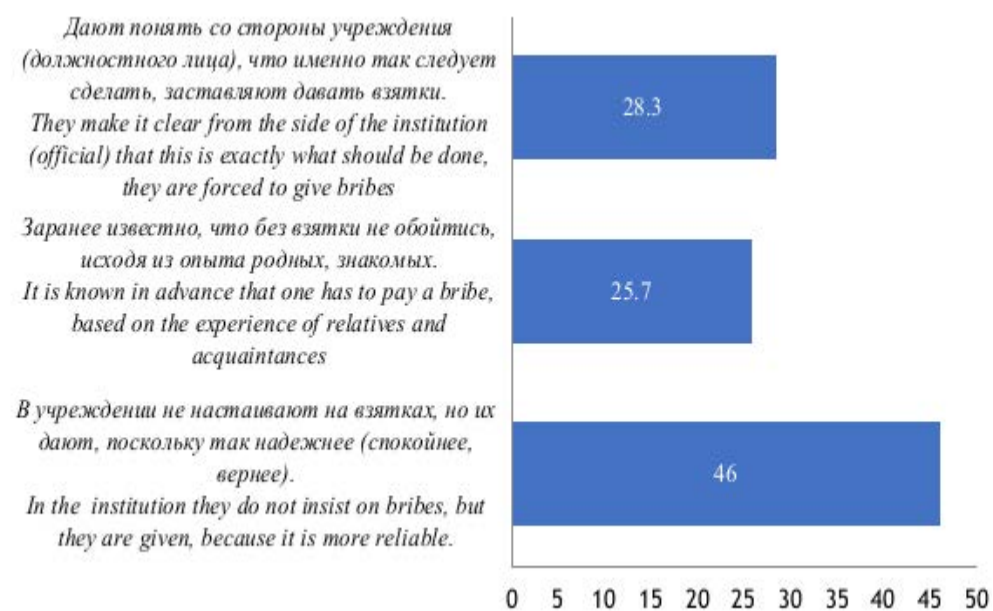

Рис. 2. Видение студентами причин возникновения коррупционных ситуаций в обществе (в % от ответивших)

Fig. 2. Students' views on the reasons for the corruption situation in society (% of respondents)

Студентам был задан вопрос: «Люди по-разному относятся и к тем, кто дает взятки, и к тем, кто их берет. Какая из приведенных точек зрения Вам ближе?» Устойчивую позицию неприятия коррупции демонстрируют чуть более половины опрошенных студентов (58 % «осуждаю и тех, кто дает взятки, и тех, кто их берет»); у остальной части студентов наблюдается неустойчивость социальной нормы антикоррупционного поведения: каждый десятый (10,8 %) осуждает только инициаторов взятки – «тех, кто дает взятки; не осуждают тех, кто их берет»; 15 % напротив, «не осуждают тех, кто дает взятки; осуждают тех, кто их берет». О своей лояльности к коррупции заявила незначительная часть опрошенных (6,7 % «не осуждают ни тех, кто дает взятки, ни тех, кто их берет») (Рис. 3).

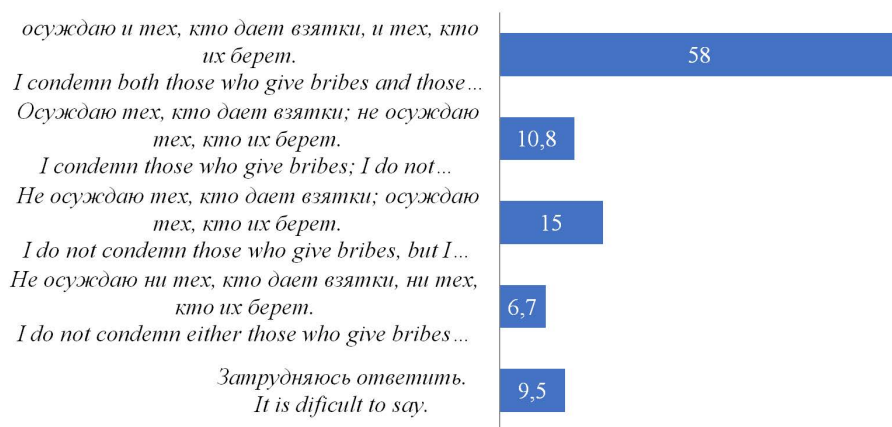

Рис. 3. Этическая оценка студентами коррупционных практик в обществе (в %)

Fig. 3. Students’ ethical assessments of corruption practices in society (%)

Если сгруппировать число приверженцев и противников осуждения взятки, мы получим такую картину: негативное отношение к любым коррупционным практикам в обществе («осуждения взятки») демонстрирует уверенное большинство студентов – 58,0 %; неустойчивая ценность в осуждении взятки (осуждают либо тех кто дает; либо тех, кто берет) свойственна четверти респондентов – 25,8 %; о своем толерантном отношении к коррупции заявила весьма незначительная часть опрошенных – 6,7 % (рисунок 4).

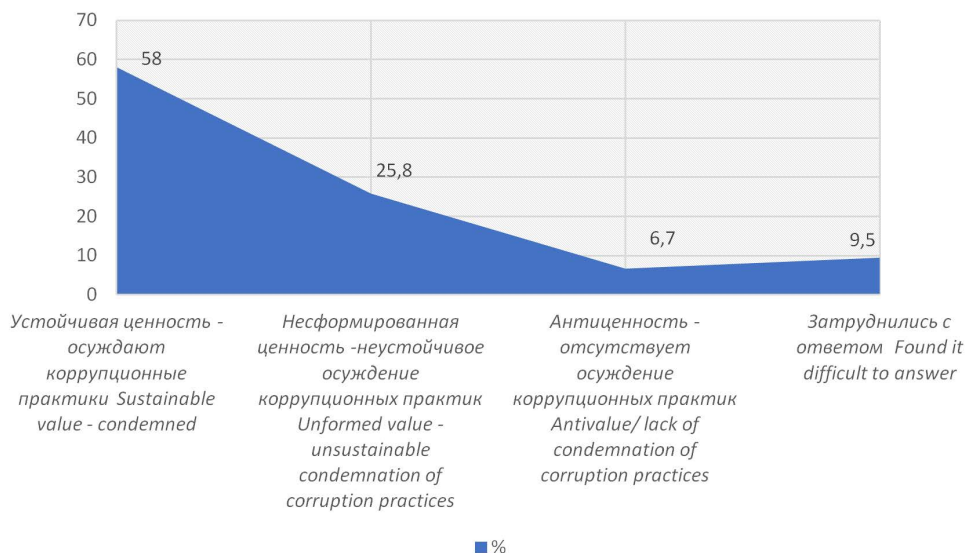

Рис. 4. Ценностный параметр устойчивой антикоррупционной позиции студента: этическая оценка коррупционных практик в обществе (% от числа ответивших)

Fig. 4. The value parameter of a student's sustainable anti-corruption stance: ethical assessment of corruption practices in society (% of respondents)

Таким образом, устойчивую ценность неприятия коррупции в обществе и низкую степень толератности к коррупции мы диагностируем у чуть более половины опрошенного нами студенческого сообщества. Вместе с тем, вызывает тревогу значительная (четверть опрошенных) группа студентов с неустойчивыми антикоррупционными ценностями. Подобная позиция создает риски, связанные с готовностью людей считать коррупционные действия нормальными, не заслуживающими наказания и допускающие их использование в разных жизненных ситуациях.

3. Поведенческий параметр «устойчивой антикоррупционной позиции: проявление «академической честности» в повседневной образовательной деятельности студента

Каким образом когнитивный и ценностные аспекты восприятия коррупции в обществе проявляются в поведенческих практиках повседневной образовательной деятельности студента – в процессе обучения в вузе? Как же социокультурные установки на нетерпимость vs лояльность к коррупции проявляются в повседневной жизни студенчества? Как антикоррупционные нормы отражаются на поведении студентов в академической среде в процессе обучения?

В качестве норм проявления академической честности в повседневной образовательной деятельности студента мы определили:

- а) «самостоятельность выполнения индивидуальной работы»
- б) «надлежащее сотрудничество при выполнении групповых заданий»

Академическая НЕчестность проявляется в:

- а) нарушении требования самостоятельности при выполнении индивидуальных заданий:
  - прямое списывание на экзамене;
  - плагиат при выполнении письменных заданий и курсовых, выпускных работ;
  - практика «заказных работ (контрольных, курсовых и выпускных дипломных проектов) за вознаграждение»;
- б) нарушении принципов «надлежащего сотрудничества при выполнении групповых заданий» - «ненадлежащее сотрудничество» - неравномерный вклад студента в выполнение групповых заданий преподавателя.

Самостоятельность выполнения заданий – недопустимость списывания на экзамене как требование академической честности.

Списывание на экзамене оказывается, по признанию самих студентов, практически нормой (Рис. 5): о том, что студенты «не списывают никогда» заявили только 1,7 % опрошенных; добавим условно в эту группу «академической честности» еще 15,7 % опрошенных, которые допускают списывание «только в крайних случаях». Подавляющее большинство признают, что списывание достаточно распространено (76,0 %).

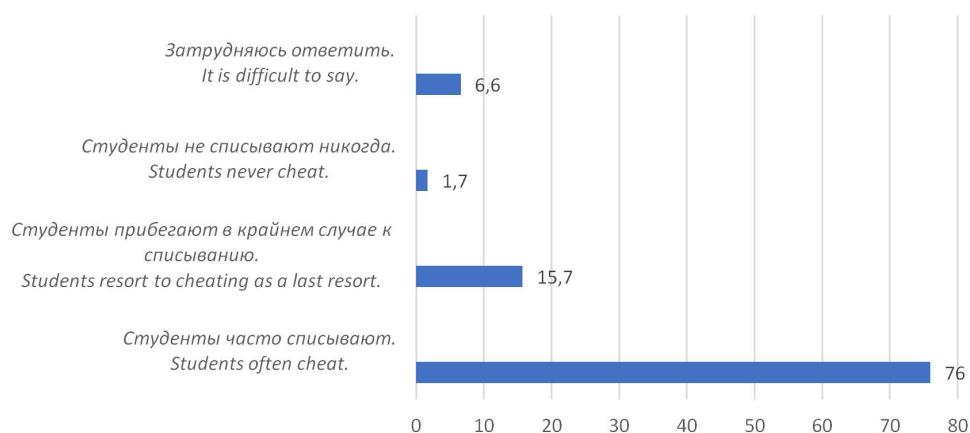

Рис. 5. Оценка студентами распространенности практики списывания на экзамене (% опрошенных)

Fig. 5. Students' assessments of the prevalence of cheating on the exam (% of respondents)

Студенты легко находят оправдание подобной практике нарушения «академической честности» (таблица 2): треть ссылаются на традиционную нехватку времени (31,5 % «во время сессий недостаточен временной интервал для подготовки и усвоения материала, приходится выкручиваться»); четверть объясняют занятостью на работе (25,8 % респондентов полагают, что студенты предпочитают потратить время на работу, нежели на запоминание информации, которая всегда есть в интернете;) или личными делами (15,2 % участников исследования предполагают, что причина списывания заключается в предпочтении студентов потратить время на личные нужды, нежели на запоминание информации к экзамену). Для 13,4 % списывание является единственно возможным вариантом сдачи экзамена/зачета. В открытом варианте ответа «другое» прозвучали предположения об «излишней строгости преподавателя»; о «сложности учебного курса»; «вообще так привык»; «облегчаю себе жизнь».

Таблица 2

Объяснение студентами практики списывания на экзамене (% к числу опрошенных, сумма ответов превышает 100 %, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа)

Table 2

Students' explanations of exam cheating practices (% of respondents, the total percentage of responses exceeds 100% because respondents were allowed to select multiple answer options)

Причины практики списывания <i>Reasons for cheating</i>	%
Во время сессий недостаточен временной интервал для подготовки и усвоения материала, приходится выкручиваться. <i>During sessions, there is not enough time for preparation and assimilation of the material, you have to get out</i>	31,5
Студенты предпочитают потратить время на работу, нежели на запоминание информации, которая всегда есть в интернете. <i>Students prefer to spend time on work rather than memorising information that is always on the Internet</i>	25,8
Другое. <i>Other response options</i>	15,7
Студенты предпочитают потратить время на личные нужды, нежели на запоминание информации к экзамену. <i>Students prefer to spend time on personal needs rather than memorising information for the exam</i>	15,2
Это единственный способ сдать экзамен или зачет. <i>This is the only way to pass the exam or test</i>	13,4
Затрудняюсь ответить. <i>It is difficult to say</i>	6,7

Таким образом, можно констатировать, что студенты практически не демонстрируют поведенческую практику академической честности, недопускающую списывания на экзамене.

Соблюдение правил недобросовестного заимствования – отказ от плагиата как норма академической честности.

Несмотря на то что требование проверки на антиплагиат в вузах в настоящее время является обязательным при выполнении всех проектных и выпускных квалификационных работ, отношение студентов к этому нормативному требованию «академической честности» неоднозначно (таблица 3).

Группа негативно оценивающих плагиат полагает, что он затрагивает интересы того, у кого заимствуют информацию (15,2 % опрошенных) и еще 6,7 % респондентов считают плагиат воровством. Позитивная оценка плагиата связана, по оценкам респондентов, с его возможностью быстро приносить результат и удовлетворять потребности того, кто информацию присваивает (12,9 %) и стремлением уже «не открывать велосипед» (6,1 %) (таблица 3).

Таблица 3

Отношение студентов к использованию плагиата (% к числу опрошенных)

Table 3

Student attitudes towards the use of plagiarism (% of respondents)

Отношение к плагиату <i>Attitude to plagiarism</i>	%	Степень лояльности к плагиату <i>Degree of loyalty to plagiarism</i>
Нейтрально, не задумывался над оценкой данного явления <i>If'm neutral, I did not think about the assessment of this phenomenon</i>	59	нейтральное <i>neutral</i>
Негативно, ведь плагиат затрагивает интересы того, у кого заимствуют информацию, но понимают тех, кто прибегает к плагиату <i>Negatively, because plagiarism affects the interests of those from whom information is borrowed, but those who use plagiarism are understood</i>	15,2	негативное <i>negative</i>
Позитивно, если плагиат позволяет быстро удовлетворять того, кто информацию присваивает <i>Positively, if plagiarism allows you to satisfy the one who appropriates the information quickly</i>	12,9	позитивное <i>positive</i>
Считаю плагиат воровством <i>I consider plagiarism theft</i>	6,8	негативное <i>negative</i>
Крайней позитивно, зачем открывать «велосипед», если он уже кем-то открыт <i>Extremely positive, no need to re-invent the wheel if it has been already invented by someone</i>	6,1	позитивное <i>positive</i>

Если сгруппировать ответы респондентов по степени лояльности к использованию недобросовестных заимствований в тексте, можно констатировать, что в студенческой среде преобладает нейтральное отношение к плагиату (59 % респондентов относятся к использованию плагиата нейтрально или вовсе не задумываются над оценкой данного явления). Неприятие практики плагиата и его приемлемость практически в равной степени распространены среди студенчества (22 % против 19 %) (Рис. 6).

Отношение студентов к плагиату Students' attitude to plagiarism

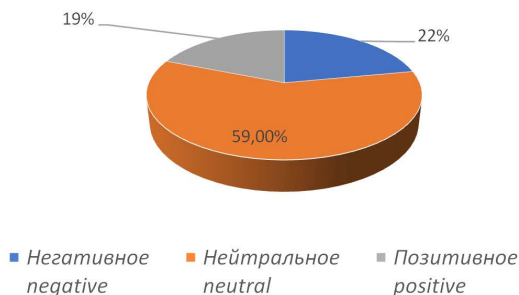

Рис. 6. Отношение студентов к плагиату

Fig. 6. Students' attitudes to plagiarism

Таким образом, можно констатировать высокую степень лояльности студентов к использованию плагиата и слабую сформированность неприятия плагиата как проявления академической честности.

Оценка частоты использования практики «заказных работ (контрольных, курсовых и выпускных дипломных проектов) за вознаграждение».

В процессе проведения исследования мы попросили респондентов ответить на вопрос, известны ли им случаи, когда студенты выполняют контрольные, курсовые и дипломные работы не самостоятельно, а заказывают их за вознаграждение (Рис. 7).

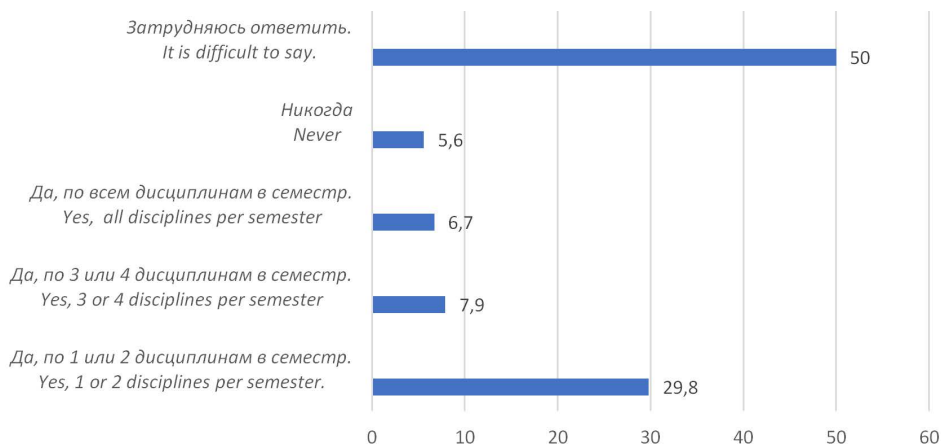

Рис. 7. Оценка респондентами частоты обращения студентов к практике «заказных работ за вознаграждение» (% к числу опрошенных)

Fig. 7. Assessment by respondents of the frequency of students' appeal to the practice of “commissioned work for a fee” (% of respondents)

По признанию самих студентов (50,0 %) им известны такие случаи недобросовестного выполнения проектов с привлечением третьих лиц за вознаграждение. Некий оптимизм внушает тот факт, что заказные исследования используются не повсеместно, а преимущественно по 1–2 дисциплинам в семестр (около 30 %). Вместе с тем, половина (50,0 %) респондентов затруднились с ответом, что не позволило получить полную картину содержательных ответов.

Более откровенными студенты оказались при ответе на оценочные вопросы. Что заставляет студентов, по мнению наших респондентов, обращаться к столь неприглядной практике явного нарушения академической честности как «заказные работы»? (таблица 4)

Таблица 4

Причины обращения студентов к практике «заказных работ за вознаграждение» (% к числу опрошенных, сумма ответов превышает 100 %, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа)

Table 4

Reasons for students' appeals to the practice of "commissioned work for a fee" (% of respondents, the total percentage of responses exceeds 100% because respondents were allowed to select multiple answer options)

Причины <i>Reasons</i>	%	Интерпретация <i>Interpretation</i>
Цель людей, которые заказывают выполнение работ – не знания, а просто получение диплома <i>The goal of people who order completing the thesis is not knowledge, but simply obtaining a diploma</i>	15,6	27 % осуждение <i>condemnation</i>
Привычка перекладывать работу на других. <i>There is the habit of shifting work to others</i>	11,4	
Некогда выполнять задание самостоятельно <i>I have no time to complete the task myself</i>	23,6	63 % оправдание <i>justification</i>
Выполнять задание неинтересно <i>It is not interesting to perform the task</i>	20,7	
Плохое состояние здоровья <i>I have poor health</i>	6,9	
Депрессия <i>Depression</i>	7,6	
Другое <i>Other options</i>	4,2	
Подчас особых причин нет, просто есть предложения, почему бы ими не воспользоваться <i>Sometimes there are no special reasons, there are just suggestions, why not use them</i>	8,5	8,5 % одобрение <i>approval</i>
Затрудняюсь ответить <i>It is difficult to say</i>	15,8	15,8 % затруднились с ответом <i>found it difficult to answer</i>

Каждый третий склонен объяснить практику использования «заказных работ» проблемой с самоорганизацией: поскольку не хватает времени выполнять задание самостоятельно (23,6 % студентов) или не сформирован навык самостоятельности в силу «привычки перекладывать работу на других» (11,4 %).

Каждый четвертый указывает на фактор отсутствия мотивации к получению знаний: 15,6 % респондентов утверждают, что «цель людей, которые заказывают выполнение работ – не знания, а просто получение диплома о высшем образовании»; и еще 8,5 % убеждены, что заказываются работы просто так без всяких причин, используя существующие предложения теневого рынка.

Педагогическому сообществу следует обратить внимание на группу ответов, связывающих причину обращения к третьим лицам с качеством предлагаемых преподавателем заданий: «выполнять задание неинтересно – отметили 20,7 % опрошенных студентов. Неинтересные, нетворческие задания провоцируют современное поколение студентов к приобретению заказных работ.

Заметим, что проблемы со здоровьем или депрессия – состояние в котором студент не может и не хочет ничего делать, по оценкам 14,5 % респондентов, также могут стать причиной обращения к посторонней помощи.

Любопытные ответы представили респонденты при выборе открытого варианта «другое». Студенты, очевидно имеющие богатый опыт «заказных работ за вознаграждение», при объяснении причин подобной практики, по сути, проговорили риски выполнения работ за деньги: *«заказывая работу, студенты надеются на качественное ее выполнение, но часто эти надежды не оправдываются»; «вы можете столкнуться с мошенничеством: с вас попросят предоплату, а потом вообще не выполнят работу и при этом будут вас шантажировать оглаской заказной работы»; «берут деньги за написание выпускной работы и не предоставляют текст в срок, ссылаясь на занятость, но студента уже отчисляют из вуза без защиты диплома».* Закон бумеранга работает: нечестные студенты сами становятся жертвами нечестности мошенников.

Представленная в таблице 4 интерпретация ответов респондентов позволяет выявить следующие тенденции: преобладает стремление оправдать использование студентами «заказных работ» – 63 %; категорически осуждают подобную практику чуть более четверти респондентов – 27 %; об открытой приемленности и одобрении заявили лишь 8,5 %. Группа респондентов, не рискнувших высказать свою позицию «затруднившихся с ответом» оказалась чуть больше – 15,8 %.

Профилактикой обращения к посторонней помощи может стать более активное использование в процессе обучения интерактивных заданий, выполняемых малыми группами студентов. Студенты, как правило, очень дорожат сформированными микрогруппами и с удовольствиями работают в команде в течение семестра. Утрата своей микрогруппы переживается студентами очень остро, они теряют психологическую поддержку и стараются соответствовать нормам своей команды. Однако и здесь мы можем столкнуться с нарушением академической честности, связанным с «*ненадлежащим сотрудничеством*»

– неравномерным вкладом студента в выполнение групповых заданий преподавателя.

В проведенном нами исследовании почти 40 % студентов (таблица 5) не сталкивались с указанной проблемой, поскольку в выполнении заданий участвуют все члены мини группы. Вместе с тем каждый третий респондент (34,8 %) заметил, что в мини группах только половина ребят активно работают, а по оценкам – 16,3 % в подготовке заданий принимают участие только четверть команды. Вывод простой: проблема ненадлежащего сотрудничества, увы, актуальна.

Таблица 5
Вовлеченность студентов в выполнение групповых заданий (% к числу опрошенных)

Table 5
Student engagement in group assignments (% of respondents)

Участие членов группы в выполнении задания <i>Participation of the students in performing the task</i>	%
Участвуют все члены группы <i>All students participate in it</i>	39,3
Участвуют 50 % группы <i>50% of students participate in it</i>	34,8
Участвуют 25 % группы <i>25% of students participate in it</i>	16,3
Участвует 1 представитель группы <i>One student of the group participate in it</i>	0,6
Затрудняюсь ответить <i>It is difficult to say</i>	9

Как же студенты расценивают поведение своих однокурсников, которые не принимают участие в выполнении задания, а потом отчитываются со всеми вместе преподавателю о выполнении работ? (таблица 6)

Таблица 6
Отношение студентов к членам группы, не принимающим участие в выполнении заданий (% к числу опрошенных)

Table 6
Students' attitudes towards group members who do not take part in completing tasks (% of respondents)

Отношение к членам группы, не принимавшим участие в выполнении задания (варианты ответа) <i>Attitude towards group members who do not take part in completing tasks (answer options)</i>	%	Интерпретация <i>Interpretation</i>
Это нечестное поведение <i>This is dishonest behaviour</i>	29,8	Категоричное осуждение <i>Categorical condemnation</i>
Один или два раза в семестр можно позволить такое, но не регулярно <i>I can allow it once or twice a semester, but not regularly</i>	38,8	Мягкое осуждение <i>Mild condemnation</i>
Это их проблемы, мне все равно <i>These are their problems, I do not care</i>	19,0	Нейтральное <i>Neutral</i>

Нормально, умеют ребята решать проблемы <i>I am normal, groupmates know how to solve problems</i>	6,2	Поддержка <i>Support</i>
Затрудняюсь ответить <i>It is difficult to say</i>	6,2	

Отношение к таким «пассажирам» (назовем их так, воспользовавшись студенческим сленгом) негативное: число категорично или мягко осуждающих подобное поведение и расценивающих его как «нечестное» более чем в три раза превышает число нейтрально настроенных (сумма 29,8 % и 38,8 % респондентов против 19,1 %). Готовы поддержать практику «отсидеться за спинами товарищей» лишь 6,2 %.

Если сравнить реакцию студентов на нарушение академической честности, связанной с индивидуальными и групповыми заданиями, мы получим любопытную картину (рисунок 8).

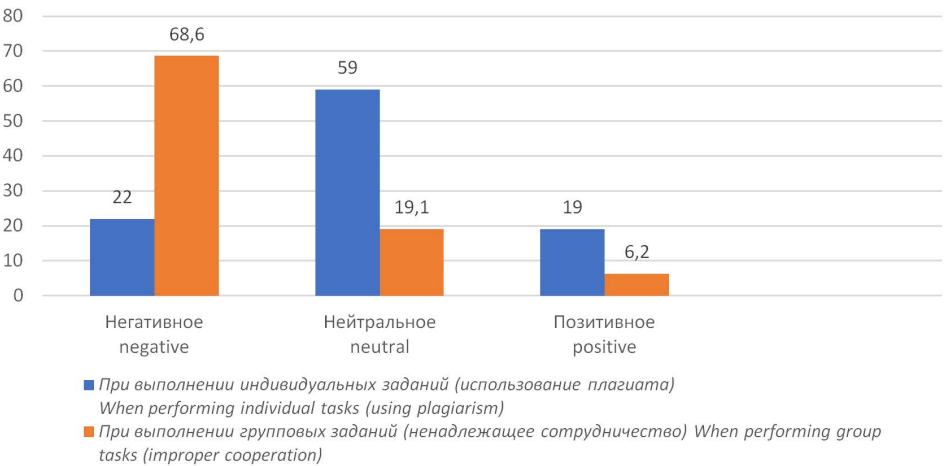

Рис. 8. Отношение студентов к нарушению академической честности при выполнении индивидуальных и групповых заданий (в % от опрошенных)

Fig. 8. Students' attitudes to violation of academic honesty when performing individual and group tasks (% of respondents)

Гораздо строже студенты оценивают практику нарушений академической честности при взаимодействии с группой, чем при выполнении индивидуальных заданий: (68,6 % против 22 % – разница в три раза); нейтрально настроенных к нарушению групповых норм взаимодействия оказалось в три раза меньше, чем при оценке нарушений индивидуальных правил академической честности (Рис. 8).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что нормы академической честности оказываются более устойчивыми в групповом взаимодействии, в

сравнении с индивидуальной обучающей деятельности студента; педагогическому сообществу проще внедрять принципы «надлежащего сотрудничества» в студенческую минигруппу, формируя паттерны добросовестности и честности выполнения работы.

Проведенный анализ (Рис. 9) позволяет обрисовать портрет студента, придерживающегося норм академической честности. Иерархия норм академической честности в повседневной практике студента выглядит следующим образом:

- осуждает «ненадлежащее сотрудничество» (68,6 %) и практику использования «заказных работ» (четверть этой группы – 27 %);
- не приемлет использование плагиата (пятая часть – 22 %)
- самой слабой нормой академической честности в среде студенческого сообщества оказалась неприемлемость списывания: лишь 1,7 % смогли никогда не списывать на экзаменах и зачетах.

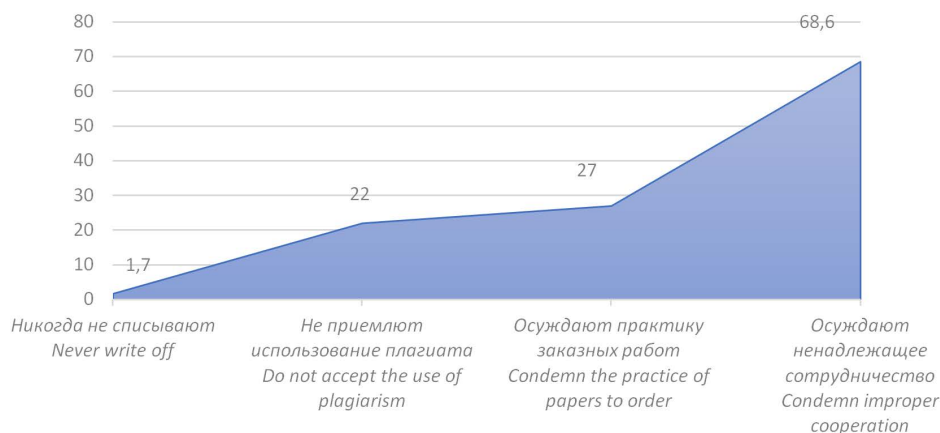

Рис. 9. Академическая честность студента (% от числа ответивших)

Fig. 9. Academic honesty of students (% of respondents)

Обобщенный портрет студента, для которого характерна неустойчивая позиция по отношению к нормам академической честности, представлен на рисунке 10:

- он, прежде всего, осуждает «ненадлежащее сотрудничество» (68,6 %);
- склонен оправдывать практику «заказных работ» (63 %);
- нейтрально относится к использованию плагиата (59 %) и «недобросовестному сотрудничеству» (19 %);
- нечасто, но все-таки списывает на экзаменах, зачетах (15,7 %).

Рис. 10. Неустойчивая позиция по отношению к нормам академической честности (% от числа ответивших)

Fig. 10. Unstable stance on academic standards (% of respondents)

Приверженцы академической нечестности (Рис. 11):

- в большинстве своем часто списывают (76 %);
- используют недобросовестное заимствование, плагиат расценивают как норму (19 %);
- считают вполне приемлемым практику «заказных работ» (15,8 %) и «не-надлежащего сотрудничества» (6,2 %).

Рис. 11. Академическая нечестность студента (% от числа ответивших)

Fig. 11. Academic dishonesty of students (% of respondents)

Завершая изложение результатов анализа академической честности нельзя не затронуть главный вызов современному образованию – практику использования искусственного интеллекта (ИИ) в учебной деятельности. Какие новые возможности или проблемы для формирования академической честности может привести ИИ? К каким вызовам академической честности необходимо быть готовым образовательному сообществу при проникновении ИИ в учебный процесс?

Выявлена неоднозначность в оценках студентов влияния использования ИИ на результаты образовательной деятельности (таблица 7 и Рис. 12). Мнения разделились:

- чуть более половины респондентов (56,7 %) демонстрируют позитивный настрой и дают положительную оценку влияния ИИ на качество образования (сумма ответов «полезен» (11,8 %) или «скорее полезен» (44,9 %));
- каждый третий (32 %) уверен в негативном влиянии ИИ на получение качественного образования (сумма ответов ИИ «вреден» (6,2 %) и скорее «вреден» (25,8 %));
- оставшаяся часть респондентов (11,3 %) еще не определились со своей позицией.

Таблица 7
 Оценка студентами влияния искусственного интеллекта на качество образования (% к числу опрошенных)

Table 7
 Students’ assessments of the impact of artificial intelligence on the quality of education (% of respondents)

Польза/вред использования искусственного интеллекта: <i>Benefits/harms of using artificial intelligence:</i>	%	Интерпретация <i>Interpretation</i>
Полезно для получения качественного образования <i>Good for quality education</i>	11,8	Позитивная оценка <i>Positive assessment</i>
Скорее полезно, чем вредно для получения качественного образования <i>Useful rather than harmful for quality education</i>	44,9	
Скорее вредно, чем полезно для получения качественного образования <i>Harmful rather than good for quality education</i>	25,8	Негативная оценка <i>Negative assessment</i>
Вредно для получения качественного образования <i>Harmful to quality education</i>	6,2	
Затрудняюсь ответить <i>It is difficult to answer</i>	11,3	

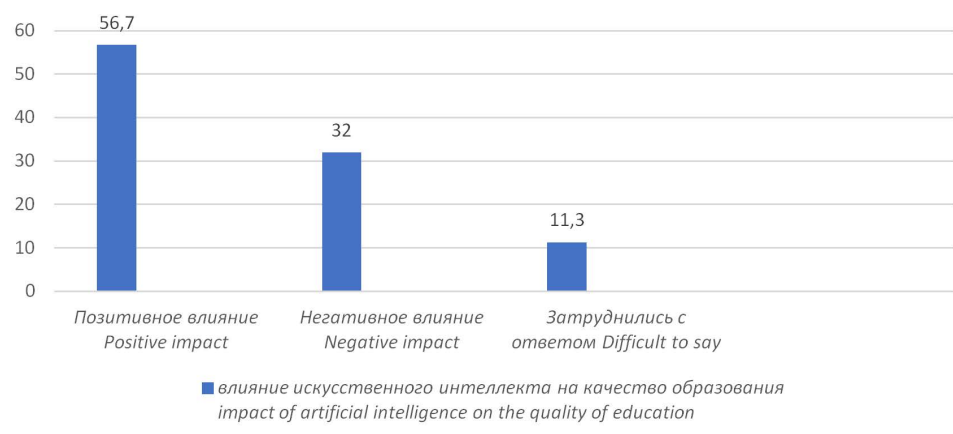

Рис. 12. Оценка студентами влияния искусственного интеллекта на качество образования (в % от опрошенных)

Fig. 12. Students' assessments of the impact of artificial intelligence on the quality of education (% of respondents)

Мы попросили студентов дать этическую оценку последствий использования ИИ в образовательном процессе, предложив ответить на вопрос: «Как вы оцениваете ситуацию, когда студент использует ChatGPT при подготовке заданий?» (таблица 8).

Таблица 8
Отношение студентов к использованию ChatGPT при подготовке заданий (% к числу опрошенных)

Table 8
Students' attitudes to using ChatGPT when preparing tasks (% of respondents)

Оценка ситуаций, когда студент использует ChatGPT при подготовке заданий: <i>Assessment of situations when a student uses ChatGPT when preparing tasks:</i>	%	Интерпретация <i>Interpretation</i>
Это нормально и говорит об умении студента работать с информацией <i>This is normal and speaks of the student's ability to work with information</i>	46,1	Позитивное влияние <i>Positive impact</i>
Это неизбежный процесс замены человека информационными технологиями <i>This is the inevitable process of replacing a person with information technology</i>	28,1	Нейтральное <i>Neutral</i>
Это процесс наносящий вред интеллектуальному развитию молодёжи <i>This is a process that harms the intellectual development of young people</i>	19,1	Негативное влияние <i>Negative impact</i>
Это жульничество, потому что студент выдаёт ответы ChatGPT за свои <i>This is a scam because the student passes off ChatGPT answers as his own</i>	6,7	Негативное влияние <i>Negative impact</i>

В этических оценках студентами влияния «ИИ» на образовательную деятельность мы также наблюдаем пеструю картину:

Определилась группа «консерваторов» (четверть от опрошенных), демонстрирующих негативное отношение к использованию ChatGPT при подготовке к занятиям, категорически утверждая, что это «жульничество» (6,7 %) или, как минимум, «вред» для интеллектуального развития (19,1 %);

Группа «сторонников внедрения новых технологий» (почти половина – 46,1 %) демонстрируют позитивное отношение к возможностям «ИИ», его использование «говорит об умении студента работать с информацией»;

Группа «нейтрально» настроенных студентов (чуть более четверти – 28,1 %) воздерживаются от этических оценок, подчеркивая историческую неизбежность процесса замены деятельности человека информационными технологиями (Рис. 13).

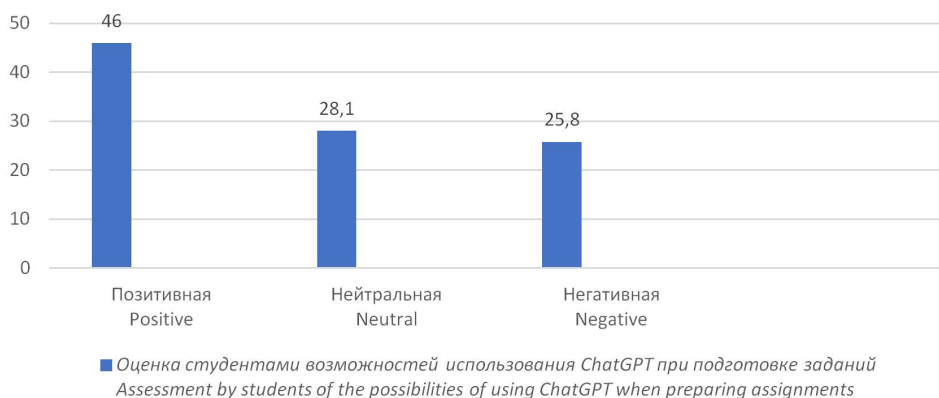

Рис. 13. Оценка студентами возможностей использования ChatGPT при подготовке заданий

Fig. 13. Assessment by students of the possibilities of using ChatGPT when preparing assignments

Итак, в сообществе студентов мы наблюдаем неоднозначность в этических оценках инновационного вызова, связанного с применением ИИ в процессе образования, хотя тенденция позитивной оценки явно преобладает над негативной. Очевидно, что использования и применения ИИ в образовательной деятельности и его влияния на академическую честность еще нуждаются в дополнительных исследованиях.

Обсуждение

Когнитивный аспект. Полученные нами данные об ограниченности знаний студентов о коррупции подтверждаются результатами опросов студентов в других российских и зарубежных вузах. В. И. Шарин, изучая мнение студен-

тов Уральского государственного экономического университета и Санкт-Петербургского государственного университета о коррупции, устанавливает, что «студенты в основном имеют поверхностное понимание сущности коррупции, зачастую относятся к ней толерантно. Большинство студентов не участвовали в отношениях коррупции, однако треть респондентов рассматривают ее как средство, пригодное для решения личных проблем» [32, с. 60]. А. Л. Журавлев констатирует, что «отношения студентов московских вузов к коррупции в большей степени формируются на бытовом уровне; оценка коррупции происходит не по правовым, а по психологическим основаниям (на принципах уважительного отношения, вежливости, взаимной договоренности и т. д.), что не всегда позволяет им адекватно идентифицировать коррупционное поведение» [33]. А. А. Максименко с коллегами отмечают, что существующие программы обучения по основам профессиональной этики в высшей школе зачастую лишь укрепляют релятивистские взгляды и формируют основы для формирования девиантного поведения выпускников в будущем, что требует особого внимания при разработке подобных программ. [34, с. 88]. Оценивая эффективность современного антикоррупционного обучения в европейских вузах, исследователи также отмечают целый ряд проблемных моментов. Например, К. Becker, С. Hauser, F. Kronthaler, анализируя уровень современных знаний студентов управленческих и юридических специальностей крупных университетов немецкоязычной части Швейцарии, приходят к выводу, что большинство студентов имеют ограниченные знания о коррупции и ее правовых последствиях [35]. Следовательно, невысокий уровень правовой грамотности, поверхностное знание основ антикоррупционной политики создают благоприятную почву для толерантного отношения студентов к нарушению социальных норм.

Ценности: неприятие коррупции в обществе vs толерантность к коррупции. Выявленные авторами риски, связанные с неустойчивостью социальной нормы у студентов, коррелируются с результатами международных исследований. С. Tanner, S. Linder, M. Sohn, изучая устойчивость к коррупции студентов крупной французской столичной бизнес-школы, приходят к выводу, что люди с большей вероятностью будут вовлечены в коррупцию, если они считают, что коррупция оправдана и ожидают, что другие будут действовать коррупционно. И напротив, люди воздерживаются от коррупции, чем больше они осознают, что рисковать своей честностью ради денежной выгоды недопустимо [36]. I. A. Morayta, проводя сравнительный анализ восприятия коррупции среди молодежи в России и Аргентине, приходит к выводу: «для аргентинской молодежи коррупция связана с демократическим режимом, полицией и капитализмом, при этом она воспринимается как способ дискредитации идеологических противников. В то же время в России коррупция связана с государством и чиновниками, эгоизмом и бесконтрольностью, при этом она используется для решения повседневных проблем и уравнивания возможностей, а общество без коррупции считается хаотичным и непредсказуемым» [37, с. 163; 38].

Поведенческим следствием толерантного отношения к коррупции становится нарушение социальных норм в повседневных образовательных практиках студентов. П. В. Сысоев на основе результата опроса 1599 студентов из 29 вузов РФ приходит к выводу, «что в целом в российском студенческом сообществе плагиат – это широко распространённое социальное явление, многие из видов которого воспринимаются молодежью как норма академического поведения» [39, с. 31]. V. Cebrián-Robles и др. связывают причины использования плагиата студентами испанских университетов с отсутствием у них мотивации и интереса к обучению [40]. M. Atikuzzaman, S. Yesmin, изучая академическую нечестность студентов-исследователей в государственных университетах Бангладеш, фиксирует проблемную ситуацию, связанную с отсутствием адекватной реакции и этической оценки преподавательским сообществом проявления академической нечестности студентами [41]. Согласимся с авторами и подчеркнем, что вузы должны проводить целенаправленную политику по борьбе с академической нечестностью студентов в общем контексте формирования устойчивых антикоррупционных моделей поведения. Нормы академической честности должны быть не только закреплены в локальных нормативно-правовых актах вуза, контролироваться учебными структурами и преподавательским сообществом, но и стать основой корпоративной культурой вуза, а нарушение академической честности – предметом открытого обсуждения среди вузовского сообщества.

Заключение

В целом материалы исследования позволили прийти к следующим выводам.

Во-первых, диагностика когнитивного аспекта формирования антикоррупционной позиции студента показывает поверхностное понимание студентами основ антикоррупционной политики. Выявлен ценностный диссонанс, когда осуждение студентами коррупции в обществе «мирно уживается» с вполне допустимыми практиками нарушения студентами норм академической честности в их повседневной образовательной деятельности. Подобная ценностная установка оправдания коррупции в повседневной жизнедеятельности и ожидание того, что и другие будут нарушать социальные нормы, не способствует формированию устойчивых паттернов антикоррупционного поведения.

Во-вторых, выделены маркеры проявления академической честности студентов в процессе образовательной деятельности (представлены по мере убывания их значимости): осуждение «ненадлежащего сотрудничества» в мини-группе при выполнении заданий преподавателя а также практики использования «заказных работ»; неприемлемость плагиата при выполнении письменных и выпускных работ; самой слабо выраженной нормой академической честности в среде студенческого сообщества оказалась неприемлемость списывания.

В-третьих, подчеркивая значимость высшей школы в формировании устойчивой антикоррупционной позиции подрастающего поколения, важно проводить системную работу по поддержке академической честности студенчества. Эта работа требует не только грамотного правового просвещения, но и прямого открытого обсуждения среди студенческого сообщества распространенных практик нарушения норм академической честности. Педагогическому сообществу следует обратить внимание на совершенствование методик обучения, подготовке творческих заданий, ответы на которые нельзя просто найти в один клик в интернете. Также следует шире использовать практику выполнения заданий студентами в минигруппе, ведь именно групповое взаимодействие оказывается более чувствительным к нарушению норм академической честности, формируя паттерны добросовестности и честности выполнения работ.

Намечая дальнейшие *перспективы* исследования, авторы считают важным подчеркнуть, что в современных российских реалиях необходимо активнее продвигать тематику академической честности как поведенческого маркера формирования устойчивой антикоррупционной позиции студента. Академическая честность может также рассматриваться как значимый фактор успешной антикоррупционной работы вуза, определяющий в том числе и его конкурентоспособность, его место в российском и мировом рейтинге университетов. Важно не только изучать факторы, влияющие на академическую честность/нечестность, но и обращаться к опыту лучших российских и зарубежных практик поддержания академической честности среди студентов и преподавателей. Следование стандартам академической честности в процессе образовательной деятельности поможет студенту выбрать социально приемлемую модель поведения в ситуации, когда возникает искушение нарушить антикоррупционные правила ради собственных интересов. Устойчивая жизненная позиция неприятия коррупции будущего поколения участников рынка труда – это тот ресурс, который может стать драйвером позитивных изменений и формирования новой деловой культуры российского общества.

Список использованных источников

1. Kisamore J., Stone T., Jawahar I. Academic integrity: the relationship between individual and situational factors on misconduct contemplations. *Journal of Business Ethics*. 2007;75:381–394. doi:10.1007/s10551-006-9260-9
2. Алавердов А.Р. Эффективное противодействие коррупции как конкурентное преимущество современного вуза. *Современная конкуренция*. 2022;16(4):34–48. doi:10.37791/2687-0657-2022-16-4-34-48
3. Schwartz M.A. From the ordinary to corruption in higher education. *Journal of Management Inquiry*. 2017;26(3):270–279. doi:10.1177/1056492616674828
4. Чевтаева Н.Г. Патримониализм в служебных отношениях российского чиновничества (по материалам дореволюционных эмпирических исследований). *Социологические исследования*. 2022;6:143–147. doi:10.31857/S013216250019217-1

5. Данилевская Е.Е., Крылова Т.В., Лебедева Т.Е. К вопросу оценки коррупционных рисков в системе высшего образования. *Проблемы современного педагогического образования*. 2023;80(4):93–97.
6. Ивашкин Н.С. Коррупция и ее влияние на качество образования в современной России. *Ценности и смыслы*. 2022;4(80):142–156. doi:10.24412/2071-6427-2022-4-142-156
7. Резер Т.М., Тургель И.Д., Панзабекова А.Ж. Антикоррупционные механизмы управления университетским образованием. *Интеграция образования*. 2022;26(3):433–448. doi:10.15507/1991-9468.108.026.202203.433-448
8. Chapman D., Lindner S. Degrees of integrity: the threat of corruption in higher education. *Studies in Higher Education*. 2016;41(2):247–268. doi:10.1080/03075079.2014.927854
9. Denisova-Schmidt E. The global challenge of academic integrity. *International Higher Education*. 2016;(87):4–6. doi:10.6017/ihe.2016.87.9494
10. Denisova-Schmidt E. Corruption, the lack of academic integrity and other ethical issues in higher education: what can be done within the Bologna process? In: Curaj A., Deca L., Pricopie R., eds. *European Higher Education Area: The Impact of Past and Future Policies*. Cham: Springer; 2018. doi:10.1007/978-3-319-77407-7_5
11. Ефимова Г.З. Трансформация российских университетов и академическое развитие научно-педагогических работников: поиски согласования стратегических приоритетов. *Вопросы управления*. 2023;5(84):50–66. doi:10.22394/2304-3369-2023-5-50-66
12. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Адаптация студентов в условиях трансформации высшей школы: обоснование управленческих решений. *Вопросы управления*. 2022;6(79):64–79. doi:10.22394/2304-3369-2022-6-64-79
13. Казанцева О.Л. Антикоррупционное образование в вузах. *Российско-азиатский правовой журнал*. 2023;3:12–15. doi:10.14258/ralj(2023)3.3
14. Julián M., Bonavia T. Determinants of students' willingness to engage in corruption in an academic setting: an empirical study. *Journal of Academic Ethics*. 2020;18:363–375. doi:10.1007/s10805-020-09362-5
15. Hauser C. Fighting against corruption: does anti-corruption training make any difference? *Journal of Business Ethics*. 2019;159:281–299. doi:10.1007/s10551-018-3808-3
16. Маркинова Е.В. Противодействие коррупции через призму образовательной системы. *Бизнес. Образование. Право*. 2022;4(61):496–499. doi:10.25683/VOLBI.2022.61.473
17. Carrasco D., Pavón Mediano A. Tolerance of corruption among students in Latin America. In: Treviño E., Carrasco D., Claes E., Kennedy K.J., eds. *Good Citizenship for the Next Generation. IEA Research for Education*. Vol. 12. Cham: Springer; 2021. doi:10.1007/978-3-030-75746-5_7
18. Kwarteng J.T., Servoh M.W.K. A reasoned action approach to understanding anti-corruption intentions among MBA (accounting) students in Ghana. *Heliyon*. 2024;10(5):e26752. doi:10.1016/j.heliyon.2024.e26752
19. Arce J.L.Á., Rodríguez-Tejedo I., Erro M.J.V. Exploring the determinants of student attitudes towards corruption in Guatemala: are economics students different? *Journal of Academic Ethics*. 2024. doi:10.1007/s10805-024-09557-0
20. Alva E., Vivas V., Urcia M. Tolerance of future professionals towards corruption. Analysis through the attitudes of students of Lima's universities regarding situations related to ethics and morals. *Journal of Academic Ethics*. 2021;19(2):211–227. doi:10.1007/s10805-019-09351-3
21. Чевтаева Н.Г., Никитина А.С., Вишневская А.В. Культура коммуникации преподавателя и студента как матрица формирования «soft skills» выпускника. *Высшее образование в России*. 2020;29(12):33–44. doi:10.31992/0869-3617-2020-29-12-33-44

22. Kisamore J.L., Stone T.H., Jawahar I.M. Academic integrity: the relationship between individual and situational factors on misconduct contemplations. *Journal of Business Ethics*. 2007;75:381–394. doi:10.1007/s10551-006-9260-9
23. Sirca C.L., Billen E. Predicting academic dishonesty: the role of psychopathic traits, perception of academic dishonesty, moral disengagement and motivation. *Journal of Academic Ethics*. 2024;22:489–503. doi:10.1007/s10805-024-09506-x
24. Okaibedi D. ChatGPT and the rise of generative AI: threat to academic integrity? *Journal of Responsible Technology*. 2023;13:200060. doi:10.1016/j.jrt.2023.100060
25. Adam L., Anderson V., Spronken-Smith R. It's not fair: policy discourses and students' understandings of plagiarism in a New Zealand university. *Higher Education*. 2017;74(1):17–32. doi:10.1007/s10734-016-0025-9
26. Gama P., Almeida F., Seixas A., Peixoto P., Esteves D. Ethics and academic fraud among higher education engineering students in Portugal. In: *1st International Conference of the Portuguese Society for Engineering Education (CISPEE)*; Porto, Portugal; 2013. doi:10.1109/CISPEE.2013.6701983
27. Amiri F., Razmjoo S. On Iranian EFL undergraduate students' perceptions of plagiarism. *Journal of Academic Ethics*. 2016;14(2):115–131. doi:10.1007/s10805-015-9245-3
28. Ghimire S.N., Bhattarai U., Baral R.K. Academic dishonesty within higher education in Nepal: an examination of students' exam cheating. *Journal of Academic Ethics*. 2024;22:303–322. doi:10.1007/s10805-023-09486-4
29. Малошенок Н., Шмелева Е. Факторы, влияющие на академическую недобросовестность среди студентов бакалавриата российских вузов. *Journal of Academic Ethics*. 2019;17:313–329. doi:10.1007/s10805-019-9324-y
30. Köbis N.C., Van Prooijen J.W., Righetti F., Van Lange P.A. “Who doesn't?” – The impact of descriptive norms on corruption. *PLoS One*. 2015;10(6):e0131830. doi:10.1371/journal.pone.0131830
31. Шарин В.И. Коррупция в высшей школе в оценках студентов. *Высшее образование в России*. 2022;31(4):60–78. doi:10.31992/0869-3617-2022-31-22-4-60-78
32. Gino F., Ayal S., Ariely D. Contagion and differentiation in unethical behavior: the effect of one bad apple on the barrel. *Psychological Science*. 2009;20:393–398. doi:10.1111/j.1467-9280.2009.02306.x
33. Журавлев А.Л., Китова Д.А. Отношение молодежи к коррупции как проявление экономического менталитета россиян. *Психология и право*. 2022;12(2):178–193. doi:10.17759/psylaw.2022120213
34. Максименко А.А., Дейнека О.С., Крылова Д.В., Забелина Е.В., Булгакова Е.А. Этические установки будущих представителей государственного управления и бизнес-сообщества: сравнительный анализ. *Образование и наука*. 2023;25(2):68–97. doi:10.17853/1994-5639-2023-2-68-97
35. Becker K., Hauser C., Kronthaler F. Fostering management education to deter corruption: What do students know about corruption and its legal consequences? *Crime, Law and Social Change*. 2013;60(2):227–240. doi:10.1007/s10611-013-9448-8
36. Tanner C., Linder S., Sohn M. Does moral commitment predict resistance to corruption? experimental evidence from a bribery game. *PLoS One*. 2022;17(1):e0262201. doi:10.1371/journal.pone.0262201
37. Morayta I.A. Los jóvenes y la corrupción: un análisis comparado de las percepciones en Rusia y Argentina. *Iberoamerica*. 2022;4:162–183. doi:10.37656/s20768400-2022-4-08
38. Chevtvaeva N., Kachanova E., Ruchkin A., Kukhar V. Improving communication between citizens and authorities in the process of providing municipal services in urban and rural areas. *E3S Web of Conferences*. 2021;254(05):10026. doi:10.1051/e3sconf/202125410026
39. Сысоев П.В. Этика и ИИ-плагиат в академической среде: понимание студентами вопросов соблюдения авторской этики и проблемы плагиата в процессе взаимодействия с генеративным искусственным интеллектом. *Высшее образование в России*. 2024;33(2):31–53. doi:10.31992/0869-3617-2024-33-2-31-53

40. Cebrián-Robles V., Raposo-Rivas M., Cebrián-de-la-Serna M., Sarmiento-Campos J.A. Percepción sobre el plagio académico de estudiantes universitarios españoles. *Educación XXI*. 2018;21(2):105–129. doi:10.5944/educXXI.20062
41. Atikuzzaman M., Yesmin S. Authority concerns regarding research students' academic dishonesty: a case study for promoting academic integrity in a Public University in Bangladesh. *Journal of Academic Ethics*. 2023;21:591–607. doi:10.1007/s10805-023-09474-8

References

1. Kisamore J., Stone T., Jawahar I. Academic integrity: the relationship between individual and situational factors on misconduct contemplations. *Journal of Business Ethics*. 2007;75:381–394. doi:10.1007/s10551-006-9260-9
2. Alaverdov A.R. Effective anti-corruption as a competitive advantage of a modern university. *Sovremennaya konkurenciya = Modern Competition*. 2022;16(4):34–48. (In Russ.) doi:10.37791/2687-0657-2022-16-4-34-48
3. Schwartz M.A. From the ordinary to corruption in higher education. *Journal of Management Inquiry*. 2017;26(3):270–279. doi:10.1177/1056492616674828
4. Chevtavaeva N.G. Patrimonialism in the official relations of the Russian bureaucracy (based on the materials of pre-revolutionary empirical research). *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2022;6:143–147. (In Russ.) doi:10.31857/S013216250019217-1
5. Danilevskaya E.E., Krylova T.V., Lebedeva T.E. On the issue of assessing corruption risks in the higher education system. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*. 2023;80(4):93–97. (In Russ.)
6. Ivashkin N.S. Corruption and its impact on the quality of education in modern Russia. *Cennosti i smysly = Values and Meanings*. 2022;4(80):142–156. (In Russ.) doi:10.24412/2071-6427-2022-4-142-156
7. Rezer T.M., Turgel I.D., Panzabekova A.J. Anti-corruption mechanisms of university education management. *Integratsiya obrazovaniya = Integration of Education*. 2022;26(3):433–448. (In Russ.) doi:10.15507/1991-9468.108.026.202203.433-448
8. Chapman D., Lindner S. Degrees of integrity: the threat of corruption in higher education. *Studies in Higher Education*. 2016;41(2):247–268. doi:10.1080/03075079.2014.927854
9. Denisova-Schmidt E. The global challenge of academic integrity. *International Higher Education*. 2016;(87):4–6. doi:10.6017/ihe.2016.87.9494
10. Denisova-Schmidt E. Corruption, the lack of academic integrity and other ethical issues in higher education: what can be done within the Bologna process? In: Curaj A., Deka L., Pricopie R., eds. *European Higher Education Area: The Impact of Past and Future Policies*. Cham: Springer; 2018. doi:10.1007/978-3-319-77407-7_5
11. Efimova G.Z. Transformation of Russian universities and academic development of research and teaching staff: the search for coordination of strategic priorities. *Voprosy upravleniya = Management Issues*. 2023;5(84):50–66. (In Russ.) doi:10.22394/2304-3369-2023-5-50-66
12. Zborovsky G.E., Ambarova P.A. Adaptation of students in the conditions of transformation of higher education: justification of management decisions. *Voprosy upravleniya = Management Issues*. 2022;6(79):64–79. (In Russ.) doi:10.22394/2304-3369-2022-6-64-79
13. Kazantseva O.L. Anti-corruption education in universities. *Rossijsko-aziatskij pravovoj zhurnal = Russian-Asian Legal Journal*. 2023;3:12–15. (In Russ.) doi:10.14258/ralj(2023)3.3
14. Julián M., Bonavia T. Determinants of students' willingness to engage in corruption in an academic setting: an empirical study. *Journal of Academic Ethics*. 2020;18:363–375. doi:10.1007/s10805-020-09362-5

15. Hauser C. Fighting against corruption: does anti-corruption training make any difference? *Journal of Business Ethics*. 2019;159:281–299. doi:10.1007/s10551-018-3808-3
16. Marinova E.V. Countering corruption through the prism of the educational system. *Biznes. Obrazovanie. Pravo. = Business. Education. Law*. 2022;4(61):496–499. (In Russ.) doi:10.25683/VOL-BI.2022.61.473
17. Carrasco D., Pavón Mediano A. Tolerance of corruption among students in Latin America. In: Treviño E., Carrasco D., Claes E., Kennedy K.J., eds. *Good Citizenship for the Next Generation*. IEA Research for Education. Vol. 12. Cham: Springer; 2021. doi:10.1007/978-3-030-75746-5_7
18. Kwarteng J.T., Servoh M.W.K. A reasoned action approach to understanding anti-corruption intentions among MBA (accounting) students in Ghana. *Heliyon*. 2024;10(5):e26752. doi:10.1016/j.heliyon.2024.e26752
19. Arce J.L.Á., Rodríguez-Tejedo I., Erro M.J.V. Exploring the determinants of student attitudes towards corruption in Guatemala: are economics students different? *Journal of Academic Ethics*. 2024. doi:10.1007/s10805-024-09557-0
20. Alva E., Vivas V., Urcia M. Tolerance of future professionals towards corruption. Analysis through the attitudes of students of Lima's universities regarding situations related to ethics and morals. *Journal of Academic Ethics*. 2021;19(2):211–227. doi:10.1007/s10805-019-09351-3
21. Chevtava N.G., Nikitina A.S., Vishnevskaya A.V. The culture of teacher-student communication as a matrix for the formation of “soft skills” of a graduate. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2020;29(12):33–44. (In Russ.) doi:10.31992/0869-3617-2020-29-12-33-44
22. Kisamore J.L., Stone T.H., Jawahar I.M. Academic integrity: the relationship between individual and situational factors on misconduct contemplations. *Journal of Business Ethics*. 2007;75:381–394. doi:10.1007/s10551-006-9260-9
23. Sirca C.L., Billen E. Predicting academic dishonesty: the role of psychopathic traits, perception of academic dishonesty, moral disengagement and motivation. *Journal of Academic Ethics*. 2024;22:489–503. doi:10.1007/s10805-024-09506-x
24. Okaibedi D. ChatGPT and the rise of generative AI: threat to academic integrity? *Journal of Responsible Technology*. 2023;13:200060. doi:10.1016/j.jrt.2023.100060
25. Adam L., Anderson V., Spronken-Smith R. It's not fair: policy discourses and students' understandings of plagiarism in a New Zealand university. *Higher Education*. 2017;74(1):17–32. doi:10.1007/s10734-016-0025-9
26. Gama P., Almeida F., Seixas A., Peixoto P., Esteves D. Ethics and academic fraud among higher education engineering students in Portugal. In: *1st International Conference of the Portuguese Society for Engineering Education (CISPEE)*; Porto, Portugal; 2013. doi:10.1109/CISPEE.2013.6701983
27. Amiri F., Razmjoo S. On Iranian EFL undergraduate students' perceptions of plagiarism. *Journal of Academic Ethics*. 2016;14(2):115–131. doi:10.1007/s10805-015-9245-3
28. Ghimire S.N., Bhattarai U., Baral R.K. Academic dishonesty within higher education in Nepal: an examination of students' exam cheating. *Journal of Academic Ethics*. 2024;22:303–322. doi:10.1007/s10805-023-09486-4
29. Malashonok N., Shmeleva E. Factors influencing academic dishonesty among undergraduate students of Russian universities. *Journal of Academic Ethics*. 2019;17:313–329. (In Russ.) doi:10.1007/s10805-019-9324-y
30. Köbis N.C., Van Prooijen J.W., Righetti F., Van Lange P.A. “Who doesn't?” – The impact of descriptive norms on corruption. *PLoS One*. 2015;10(6):e0131830. doi:10.1371/journal.pone.0131830
31. Sharin V.I. Corruption in higher education in student evaluations. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2022;31(4):60–78. (In Russ.) doi:10.31992/0869-3617-2022-31-22-4-60-78

32. Gino F., Ayal S., Ariely D. Contagion and differentiation in unethical behavior: the effect of one bad apple on the barrel. *Psychological Science*. 2009;20:393–398. doi:10.1111/j.1467-9280.2009.02306.x
33. Zhuravlev A.L., Kitova D.A. The attitude of young people to corruption as a manifestation of the economic mentality of Russians. *Psihologiya i pravo = Psychology and Law*. 2022;12(2):178–193. (In Russ.) doi:10.17759/psylaw.2022120213
34. Maksimenko A.A., Deineka O.S., Krylova D.V., Zabelina E.V., Bulgakova E.A. Ethical attitudes of future representatives of public administration and the business community: a comparative analysis. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2023;25(2):68–97. (In Russ.) doi:10.17853/1994-5639-2023-2-68-97
35. Becker K., Hauser C., Kronthaler F. Fostering management education to deter corruption: What do students know about corruption and its legal consequences? *Crime, Law and Social Change*. 2013;60(2):227–240. doi:10.1007/s10611-013-9448-8
36. Tanner C., Linder S., Sohn M. Does moral commitment predict resistance to corruption? experimental evidence from a bribery game. *PLoS One*. 2022;17(1):e0262201. doi:10.1371/journal.pone.0262201
37. Morayta I.A. Los jóvenes y la corrupción: un análisis comparado de las percepciones en Rusia y Argentina. *Iberoamerica*. 2022;4:162–183. (In Spanish) doi:10.37656/s20768400-2022-4-08
38. Chevtaeva N., Kachanova E., Ruchkin A., Kukhar V. Improving communication between citizens and authorities in the process of providing municipal services in urban and rural areas. *E3S Web of Conferences*. 2021;254(05):10026. doi:10.1051/e3sconf/202125410026
39. Sysoev P.V. Ethics and plagiarism in the academic environment: students' understanding of the issues of compliance with author's ethics and the problem of plagiarism in the process of interaction with generative artificial intelligence. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2024;33(2):31–53. (In Russ.) doi:10.31992/0869-3617-2024-33-2-31-53
40. Cebrián-Robles V., Raposo-Rivas M., Cebrián-de-la-Serna M., Sarmiento-Campos J.A. Percepción sobre el plagio académico de estudiantes universitarios españoles. *Educación XXI*. 2018;21(2):105–129. (In Spanish) doi:10.5944/educXXI.20062
41. Atikuzzaman M., Yesmin S. Authority concerns regarding research students' academic dishonesty: a case study for promoting academic integrity in a Public University in Bangladesh. *Journal of Academic Ethics*. 2023;21:591–607. doi:10.1007/s10805-023-09474-8

Информация об авторах:

Чевтаева Наталия Геннадьевна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой управления персоналом и социологии Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Российская Федерация; ORCID 0000-0002-4223-3318, **ResearcherID** ABD-5356-2020, Scopus Author ID 57199859026, AuthorID 691511. E-mail: chevtaeva-ng@ranepa.ru

Боброва Ольга Владимировна – кандидат социологических наук, и.о. декана факультета государственного и муниципального управления Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Российская Федерация; AuthorID 662101. E-mail: bobrova-ov@ranepa.ru

Колл Екатерина – PhD, доцент кафедры маркетинга Университета Зайеда, кампус в Дубае, Дубай, Объединенные Арабские Эмираты; ORCID 0000-0001-5689-1023. E-mail: Ekaterina.Koll@zu.ac.ae

Вклад соавторов. Авторы внесли равнозначный вклад в сбор эмпирического материала, обработку данных и написание текста статьи.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 12.06.2024; поступила после рецензирования 17.10.2024; принята к публикации 06.11.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Natalia G. Chevtaeva – Dr. Sci. (Sociology), Professor, Head of the Department of Personnel Management and Sociology, Ural Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Ekaterinburg, Russian Federation; ORCID 0000-0002-4223-3318, ResearcherID ABD-5356-2020, Scopus Author ID 57199859026, AuthorID 691511. E-mail: chevtaeva-ng@ranepa.ru

Olga V. Bobrova – Cand. Sci. (Sociology), Acting Dean of the Faculty of Public and Municipal Administration, Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Ekaterinburg, Russian Federation; AuthorID 662101. E-mail: bobrova-ov@ranepa.ru

Ekaterina Koll – PhD, Assistant Professor, Department of Marketing, Zayed University, Dubai Campus, Dubai, United Arab Emirates; ORCID 0000-0001-5689-1023. E-mail: Ekaterina.Koll@zu.ac.ae

Contribution of the authors. The authors equally contributed to the collection of empirical material, data processing, and writing the text.

Conflict of interest statement. The authors declare that there is no conflict of interest.

Received 12.06.2024; revised 17.10.2024; accepted 06.11.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

Información sobre los autores:

Natalia Guennádevna Chevtaeva: Doctora en Ciencias de la Sociología, Profesora, Jefe del Departamento de Gestión de Personal y Sociología del Instituto de Administración de Los Urales, Seccional de la Academia Rusa de Economía Nacional y Administración Pública bajo la presidencia de la Federación de Rusia, Ekaterimburgo, Federación de Rusia; ORCID 0000-0002-4223-3318, ResearcherID ABD-5356-2020, Scopus Author ID 57199859026, AuthorID 691511. Correo electrónico: chevtaeva-ng@ranepa.ru

Olga Vladimirovna Bobrova: Candidata a Ciencias de la Sociología, Decana Encargada de la Facultad de Administración Estatal y Municipal del Instituto de Administración de Los Urales, Seccional de la Academia Rusa de Economía Nacional y Administración Pública bajo la presidencia de la Federación de Rusia, Ekaterimburgo, Federación de Rusia; AuthorID 662101. Correo electrónico: bobrova-ov@ranepa.ru

Ekaterina Koll: PhD, Profesor Titular, Departamento de Marketing, Universidad Zayed, Campus de Dubai, Dubai, Emiratos Árabes Unidos; ORCID 0000-0001-5689-1023. Correo electrónico: Ekaterina.Koll@zu.ac.ae

Contribución de coautoría. Los autores hicieron contribuciones iguales a la recopilación del material empírico, el procesamiento de datos y la redacción del texto del artículo.

Información sobre conflicto de intereses. Los autores declaran no tener conflictos de intereses.

El artículo fue recibido por los editores el 12/06/2024; recepción efectuada después de la revisión el 17/10/2024; aceptado para su publicación el 06/11/2024.

Los autores leyeron y aprobaron la versión final del manuscrito.